

В.Т. Манчук, Н.Б. Семенова, А.Ф. Музафарова, Ю.Н. Орлова, Е.Е. Долгушина

**ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
У ПОДРОСТКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

ФГБУ НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН (Красноярск)

С целью изучения особенностей эмоциональной сферы и эмоционального реагирования в стрессовых ситуациях обследовано 556 подростков коренного населения, проживающих в трех национальных субъектах, расположенных в Сибирском регионе. В контрольную группу вошли 315 подростков некоренного населения. Применялась методика «Самооценка психических состояний» с определением уровня тревожности, фрустрированности, агрессии и личностной ригидности. Выявлено, что психопатологической основой суицидального поведения у подростков коренного населения Сибири является повышенный уровень тревожности, сниженная толерантность к стрессам и блокирование активности в стрессовых ситуациях.

Ключевые слова: подростки, этнос, суицидальное поведение

**PSYCHO-PATHOLOGIC BASES OF SUICIDAL BEHAVIOR IN ADOLESCENTS
OF NATIVE PEOPLE OF SIBERIA**

V.T. Manchuk, N.B. Semenova, A.F. Muzafarova, Y.N. Orlova, E.E. Dolgushina

Institution for Medical Problems of the North SB RAMS, Krasnoyarsk

In order to study the peculiarities of emotion sphere and reactions under stress situations, we examined 556 adolescents of indigenon peoples of Siberia, inhabitants of three districts, located in Siberian region. Control was represented by 315 alien adolescents of Siberia. We implemented the technique of «Self-evaluation of psychic disorders» and determined the level of anxiety, frustration, aggression, private rigidity. We found out that psycho pathologic basis of suicidal behavior in native adolescents of Siberia is the increased level of anxiety, decreased tolerance to stress, blocked activity under stress situation.

Key words: adolescents, ethnosc, suicidal behavior

Уровень суицидов среди населения является одним из показателей, характеризующим общественное психическое здоровье. Высокий показатель суицидов, свыше 20 на 100 тыс., по рекомендациям экспертов ВОЗ, является признаком выраженного социального неблагополучия. Ухудшение показателей общественного психического здоровья наблюдается в кризисные исторические периоды, нормализация его показателей происходит в периоды социальной стабильности и благополучия.

Начиная с 90-х годов прошлого века, наша страна переживала три основных этапа социального развития, что сказывалось на динамике психического здоровья населения (Дмитриева Т.Б., 2009). Этап радикальных реформ, который пришелся на 1991–1995 гг., повлек за собой ухудшение основных показателей общественного психического здоровья, в том числе, увеличение частоты суицидов с 26,4 на 100 тыс. населения в 1990 г. до 41,5 в 1995 г. Во время этапа социально-экономической нестабильности (1996–2000 гг.) основные показатели общественного психического здоровья продолжали ухудшаться, хотя и менее интенсивно. Начиная с 2001 г., в стране наметились признаки социальной стабилизации и экономического подъема, что в последующее десятилетие привело к улучшению показателей уровня и качества жизни населения и позитивно отразилось на состоянии психического здоровья. Как основной индикатор улучшения общественного психического здоровья стал снижаться уровень суицидов с 39,3 на 1 000 000 в 2001 г. до 21,8 в 2011 г.

Несмотря на улучшение показателей психического здоровья в стране в целом, ситуация в ряде национальных субъектов Российской Федерации, особенно в Сибирском регионе, далека от оптимизма [5]. В частности, это касается суицидов, показатель которых составил в 2012 г. в Республике Алтай 64,9 на 100 тыс. населения, в Республике Бурятия – 62,7 на 100 тыс., в Республике Тыва – 58,1 на 100 тыс., в Забайкальском крае 57,9 на 100 тыс. населения. Крайне неблагоприятная ситуация отмечается с подростковыми суицидами в трех национальных субъектах РФ: в Республике Тыва (106,9 на 100 тыс.), в Бурятии (83,7) и в Республике Саха (Якутия) – 76,5 на 100 тыс. [2].

Очевидно, что в качестве причин суицидального поведения у коренного населения Сибири выступают не только социальные факторы. Помимо них следует рассматривать и другие причины, в том числе, экологические и этнопсихологические факторы риска, которые являются основой психопатологии суицидального поведения у коренных народов.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучить особенности эмоционально-личностной сферы и эмоционального реагирования в стрессовых ситуациях у подростков коренного населения Сибири.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Обследованы подростки коренного населения, проживающие в трех национальных субъектах, в которых регистрируются наиболее высокие показате-

тели суицидов: в Республике Тыва, Республике Саха (Якутия) и в Бурятии. В контрольную группу вошли подростки некоренного населения, проживающие в данных национальных субъектах, в аналогичных социально-экономических условиях. В Республике Тыва обследовано 274 человека, из них 206 подростка тувинской национальности и 68 русских подростков. В Республике Саха (Якутия) обследовано 163 человека, из них 122 коренных подростка (якуты и эвены) и 41 русских подростка. Обследование бурят было проведено в Агинском Бурятском Национальном округе Забайкальского края: обследовано 228 бурятских подростков, контрольную группу составили 206 русских подростка. Всего обследовано 871 человек. Все подростки обучались в 11 классах общеобразовательных школ, средний возраст составил 16,3 года.

Обследование проводилось в экспедиционных условиях. Финансирование исследования осуществлялось в рамках трех программ: президентской программы «Дети Севера», хоздоговорной темы Правительства РС (Я) «Я выбираю жизнь» и при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-06-18006 «Социальные и этнопсихологические предпосылки суицидального поведения у подростков Бурятии».

Исследование выполнено в соответствии с этическими принципами, регламентированными в Хельсинкской декларации ВМА, (Хельсинки, 1964, последний пересмотр, Сеул, октябрь, 2008) и включало в себя информированное согласие на проведение исследования (пп. 22, 24, 27), конфиденциальность частной информации – анонимное тестирование старшеклассников (п. 11), выполнение исследования с привлечением лиц, имеющих соответствующую подготовку и квалификацию (п. 16), использование методик, безопасных для сохранения психического здоровья (п. 23).

Для обследования эмоциональной сферы и эмоционального реагирования в стрессовых ситуациях мы использовали методику «Самооценка психических состояний» с определением уровня тревожности, фрустрированности, агрессии и личностной ригидности [1]. Самооценка личности определялась по шкале Дембо-Рубинштейн, включающей в себя следующие шкалы: «здоровье», «внешность», «умственные способности», «характер» и «настроение» [3]. Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием пакета прикладных программ для статистического анализа медицинских данных Statistica-6. Анализ количественных показателей проводился с подсчетом среднего значения (М) и 95% доверительного интервала, сопоставление групп проводилось с использованием U-критерия Манна – Уитни. Сравнение групп по качественному бинарному признаку проводилось с помощью точного критерия Фишера.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Каждый этнический регион, где были проведены исследования, имеет социально-экономическую специфику и природно-экологические особенности, которые определяют их различия и вносят дополнительный вклад в формирование психического

здоровья населения. Позитивными сторонами всех трех национальных субъектов можно считать положительный естественный прирост населения. Однако имеются и определенные проблемы.

К основным социально-экономическим проблемам в Республике Тыва можно отнести слаборазвитую экономику, высокий уровень безработицы, крайне низкие показатели уровня доходов населения, низкую доступность медицинской помощи. Это дополняется экологическими проблемами, в частности выраженным дефицитом йода в почве, воде и воздухе, который регистрируется на большинстве территорий Республики.

В Республике Саха (Якутия) имеется множество социально-экономических и экологических проблем, в числе которых экстремальные условия проживания, суровые экологические условия, слаборазвитая инфраструктура, трудности коммуникативных связей, сложности устройства быта, низкое качество жилья, низкий уровень заработной платы в сельской местности, где живет в основном титульное население; острейшие проблемы алкоголизма.

Агинский Бурятский Национальный округ унаследовал слаборазвитую экономику и убыточность базовой отрасли – сельского хозяйства. Однако, начиная с 2002 г., в округе произошло улучшение социально-экономической ситуации: ускоренный экономический рост, рост инвестиций и жилищного строительства, сокращение уровня бедности и безработицы. Политика социально-экономической поддержки, проводимая в последнее десятилетие, способствует социальной стабильности и повышению образовательного уровня населения.

Не смотря на различия в социально-экономической сфере, природных и экологических условиях, все три национальных субъекта Российской Федерации объединяет одна проблема – высокий уровень подростковых самоубийств. Среди подростков коренного населения показатель самоубийств регистрируется примерно в четыре раза чаще, чем среди подростков некоренного населения.

Известно, что суицид является результатом сложного взаимодействия между индивидуально-личностными качествами и факторами среды, к которым относятся особенности семейного воспитания, микро- и макросоциального окружения, наличие стрессовых ситуаций, химической, алкогольной зависимости или физического заболевания [6]. В последние годы все большая роль в генезе суицидального поведения отводится нейробиологическим генетически обусловленным особенностям, а также системным метаболическим закономерностям [11, 12, 13]. Психопатологической основой для суицидального поведения является повышенная стрессуязвимость, т.е. склонность к тревоге и депрессии, импульсивность и неспособность справляться со стрессами.

При обследовании эмоционально-личностной сферы у подростков, проживающих в трех национальных субъектах, выявлены различия показателей, характеризующих эмоциональное состояние. В первую очередь это касается показателей личностной тревожности и фрустрированности (табл. 1, 2).

Таблица 1

Показатели эмоционального состояния у девушек коренного и некоренного населения Сибири

Национальный субъект	Показатель эмоционального состояния	Население		p*
		Коренное (М, 95% ДИ)	Некоренное (М, 95% ДИ)	
Республика Тыва	тревожность	9,5 (8,6–10,7)	7,2 (5,9–8,4)	< 0,01
	фрустрированность	9,5 (8,4–10,5)	6,7 (5,6–7,8)	< 0,01
	агрессия	8,2 (7,1–9,3)	8,2 (6,8–9,6)	> 0,05
	ригидность	9,6 (8,6–10,7)	8,5 (7,1–9,8)	> 0,05
Республика Саха (Якутия)	тревожность	10,0 (9,2–10,9)	8,2 (6,7–9,6)	< 0,05
	фрустрированность	9,1 (8,3–9,9)	9,2 (7,7–10,7)	> 0,05
	агрессия	9,8 (8,8–10,9)	10,5 (9,0–11,9)	> 0,05
	ригидность	10,8 (9,9–11,7)	11,1 (9,9–12,3)	> 0,05
Агинский Бурятский округ	тревожность	7,7 (7,1–8,3)	6,1 (5,6–6,7)	< 0,01
	фрустрированность	7,0 (6,4–7,6)	5,9 (5,3–6,6)	< 0,05
	агрессия	9,2 (8,4–9,9)	10,1 (9,3–10,9)	> 0,05
	ригидность	9,4 (8,8–9,9)	8,4 (7,8–8,9)	< 0,01

Примечание: * – статистическая значимость различий проведена с помощью U-критерия Манна – Уитни.

Таблица 2

Показатели эмоционального состояния у юношей коренного и некоренного населения Сибири

Национальный субъект	Показатель эмоционального состояния	Население		p*
		Коренное (М, 95% ДИ)	Некоренное (М, 95% ДИ)	
Республика Тыва	тревожность	7,4 (6,6–8,4)	5,1 (2,8–7,5)	< 0,01
	фрустрированность	6,3 (4,8–7,7)	6,0 (4,3–7,7)	> 0,05
	агрессия	8,9 (7,1–10,6)	10,8 (8,4–13,1)	> 0,05
	ригидность	8,2 (6,7–9,7)	9,8 (8,1–11,4)	> 0,05
Республика Саха (Якутия)	тревожность	8,9 (8,3–9,7)	6,9 (5,9–7,9)	< 0,01
	фрустрированность	8,6 (7,9–9,3)	7,3 (6,1–8,6)	> 0,05
	агрессия	8,3 (7,2–9,4)	7,7 (5,7–9,6)	> 0,05
	ригидность	9,7 (8,5–10,9)	7,9 (5,9–10,0)	> 0,05
Агинский Бурятский округ	тревожность	5,7 (4,9–6,4)	4,6 (3,9–5,2)	< 0,05
	фрустрированность	5,2 (4,5–5,9)	4,6 (3,9–5,4)	> 0,05
	агрессия	8,9 (7,9–9,7)	9,4 (8,5–10,2)	> 0,05
	ригидность	8,2 (7,5–8,9)	7,4 (6,6–8,2)	> 0,05

Примечание: * – статистическая значимость различий проведена с помощью U-критерия Манна – Уитни.

Наиболее высокие показатели личностной тревожности регистрируются у девушек и юношей, проживающих в северных регионах, что мы связываем с воздействием целого ряда неблагоприятных внешних факторов, включая суровые климатические условия и социально-экономические проблемы (обследование проводилось в районах крайнего Севера). Наименьшие показатели тревоги определяются у девушек и юношей, проживающих в Агинском Бурятском Национальном округе, что мы объясняем более развитой социальной инфраструктурой в данном национальном субъекте и более благоприятными климатическими условиями. Анализ показателей фрустрированности с позиции региональных различий обнаруживает сходное соотношение значений. Высокие показатели

фрустрированности определяются у юношей, проживающих в Республике Саха (Якутия), наименьшие значения регистрируются у юношей и девушек, проживающих в Агинском Бурятском Национальном округе.

При анализе эмоционального состояния с позиции этнических различий выявлено, что у подростков титульных наций определяются более высокие показатели личностной тревожности и фрустрированности, по сравнению с подростками пришлого населения. Так, в Республике Тыва показатель личностной тревожности у коренных девушек равен 9,5, у некоренных 7,2 ($p < 0,01$). В Республике Саха (Якутия) показатель тревожности у коренных девушек также равен 10,0, у некоренных 8,2 ($p < 0,05$). В Агинском

Бурятском округе показатель тревожности у коренных девушек равен 7,7, у некоренных 6,1 ($p < 0,01$). Полученные результаты представлены на рис. 1.

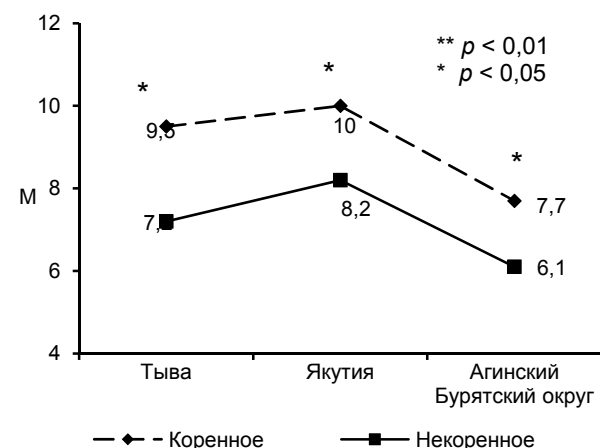

Рис. 1. Показатели тревожности у девушек.

Аналогичная картина наблюдается и у юношей (рис. 2). В Республике Тыва показатель личностной тревожности у коренных юношей равен 7,4, у некоренных – 5,1 ($p < 0,01$). В Республике Саха (Якутия) показатель личностной тревожности у коренных юношей равен 8,9, у некоренных – 6,9 ($p < 0,01$). В Агинском Бурятском округе показатель тревожности у коренных юношей равен 5,7, у некоренных – 4,6 ($p < 0,05$).

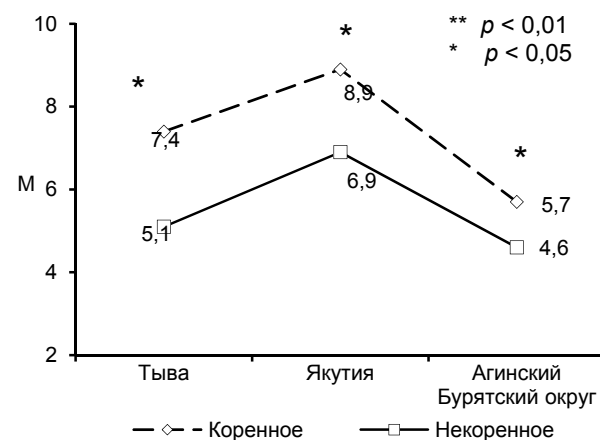

Рис. 2. Показатели тревожности у юношей.

Личностная тревожность – это константное свойство индивида, она определяется типом высшей нервной деятельности, темпераментом и характером. Определенную роль играют особенности воспитания. Личностная тревожность повышает ответственность индивида в отношении общественных требований и социальных установок, поэтому такие личности весьма чувствительны именно к социальным стрессам. Личностная тревожность тесно связана с ситуативной тревожностью. Позитивная роль ситуативной тревоги заключается в том, что в стрессовых ситуациях она меняет характер поведения личности и усиливает поведенческую активность. Однако в случае неадекватности, интенсивности и длительности тревоги, возникают нарушения поведенческой интеграции,

что препятствует формированию адаптивного поведения, переводя его в разряд дезадаптивных.

При анализе показателя фрустрированности с позиции этнических различий выявлено, что этнические различия определяются в основном у девушек тувинской и бурятской национальностей (рис. 3). Так, в Республике Тыва показатель фрустрированности у коренных девушек равен 9,5, у некоренных – 6,7 ($p < 0,01$). В Агинском Бурятском округе показатель фрустрированности у коренных девушек равен 7,0, у некоренных – 5,9 ($p < 0,05$). У юношей этнических различий в показателях фрустрированности не выявлено (рис. 4).

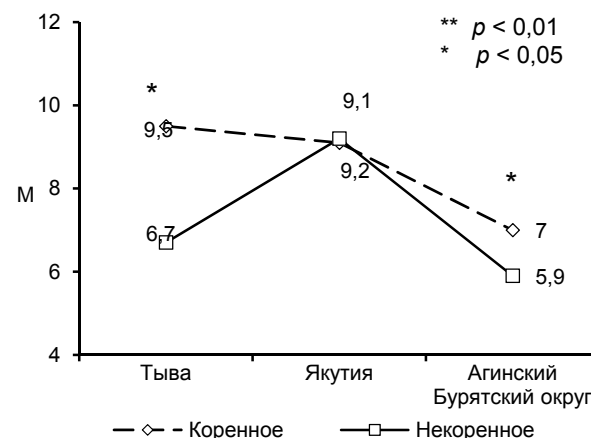

Рис. 3. Показатели фрустрированности у девушек.

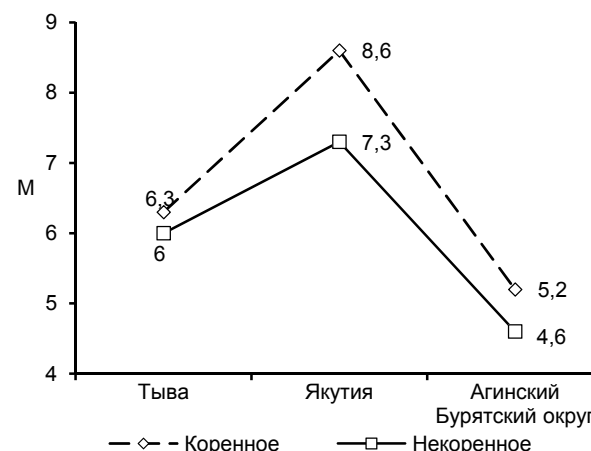

Рис. 4. Показатели фрустрированности у юношей.

Показатель фрустрированности является индикатором стрессоустойчивости личности. При высокой толерантности по отношению к фрустраторам поведение индивида остается в рамках адаптивной нормы, отличается конструктивностью и приводит к разрешению ситуации. Но при низкой толерантности к стрессовым факторам могут появляться различные виды неконструктивного поведения, которые чаще всего проявляются в виде агрессии, либо аутоагрессии.

Для исследования поведенческой активности подростков в стрессовых ситуациях мы провели анализ отдельных ответов подростков, касающихся вопросов эмоционального реагирования на стресс. У

коренных подростков выявляется сниженная стрессоустойчивость, которая обусловлена как личностными особенностями, так и особенностями эмоционально-волевой сферы.

Так, анализ ответов тувинских девушек показал, что они менее уверены в себе, ($p = 0,01$), часто испытывают чувство незащищенности ($p < 0,001$), склонны к унынию ($p = 0,02$), более чувствительны к неприятностям ($p = 0,002$). У тувинок чаще, чем у русских, присутствует чувство страха и растерянности перед трудностями ($p = 0,004$), они чаще расценивают трудную ситуацию как безвыходную ($p = 0,009$). Способность к анализу и конструктивным выводам у тувинок, по сравнению с русскими девушками, снижена. О том, что «неудачи их ничему не учат» высказались 56,5 % тувинских и 23,8 % русских девушек ($p = 0,002$). В состоянии гнева девушки тувинской национальности менее сдержаны, у них может отмечаться склонность к импульсивным реакциям, о чем высказались 30,4 % тувинок и всего 4,6 % русских девушек, $p = 0,002$ [8, 9].

Тувинские юноши в стрессовых ситуациях чаще испытывают чувство страха и растерянности. О том, что их «пугают трудности» высказались 65,5 % юношей-тувинцев и 26,9 % русских юношей ($p = 0,006$). При этом, юноши-тувинцы отличаются повышенной склонностью к рефлексии и склонны «копаться» в своих недостатках, что отметили 86,2 % тувинцев и 46,2 % русских ($p = 0,003$).

Анализ ответов бурятских девушек показал, что бурятки менее уверены в себе и отличаются повышенной мнительностью, по сравнению с русскими ($p < 0,001$). Для большинства буряток характерна такая черта, как недоверчивость ($p = 0,02$). Бурятские девушки отличаются большим консерватизмом, по этой причине им сложно сориентироваться в новой, незнакомой ситуации. О том, что их «расстраивают даже самые незначительные нарушения плана» заявили 65,4 % бурятских девушек и 33,6 % русских девушек ($p < 0,001$). В стрессовых ситуациях девушки-бурятки чаще испытывают чувство страха и растерянности ($p < 0,001$), трудные ситуации им чаще кажутся безвыходными ($p = 0,008$), 70 % бурятских девушек высказались о том, что «неприятности их сильно расстраивают, и они падают духом» ($p = 0,01$).

Анализ ответов бурятских юношей показал, что буряты менее уверены в себе и более мнительны, по сравнению с русскими. О том, что они «не чувствуют в себе уверенности» высказались 56,1 % бурятков и 25,3 % русских ($p < 0,001$). О том, что они мнительные подтвердили 51 % бурятских и 28,7 % русских юношей ($p = 0,02$). Бурятские юноши чаще, чем русские, испытывают чувство страха и растерянности перед трудностями (56,1 и 36,8 % соответственно, $p = 0,005$), а в трудных жизненных ситуациях у них чаще отмечается блокирование активности (53,1 и 33,3 % соответственно, $p = 0,009$).

Анализ ответов коренной молодежи, проживающей на Севере, показал, что для якутов и эвенов более типичными являются такие особенности как неуверенность, мнительность, беспокойство, повышенное чувство вины, «застреваемость» на негативных

переживаниях, настороженность и недоверчивость [7, 10]. Коренные старшеклассники чаще «чувствуют себя незащищенными» ($p = 0,003$), чаще испытывают склонность к унынию ($p = 0,04$), отличаются повышенной мнительностью ($p = 0,006$), чаще испытывают повышенное чувство вины ($p = 0,04$). В стрессовых ситуациях у коренной молодежи, проживающей на Севере, чаще отмечается блокирование активности ($p = 0,007$).

У большинства коренной молодежи, проживающей на Севере, эмоциональное состояние отличается нестабильностью, неустойчивостью, склонностью к унынию. О том, что они «легко впадают в уныние» высказались 55,8 % коренных старшеклассников ($p = 0,04$). Эмоциональная нестабильность и склонность к снижению фону настроения подтверждается результатами самооценки по шкале Дембо-Рубинштейн: самооценка по шкале «настроение» у коренной молодежи составила 7,2 балла (95% ДИ = 6,8–7,7), у некоренной молодежи 8,1 балла (7,5–8,7), $p = 0,03$.

Обследование параметров психического здоровья (тревожности, фрустрированности, агрессии и ригидности) у подростков, проживающих в трех национальных субъектах РФ, показало, что на формирование психического здоровья у подростков Сибири оказывает влияние множество факторов, включая социально-экономические и экологические факторы. Особенно это касается таких показателей, как личностная тревожность и фрустрированность. Наиболее высокие значения личностной тревожности и фрустрированности регистрируются в северных регионах (на территории Крайнего Севера в Республике Саха), что мы объясняем воздействием целого ряда неблагоприятных внешних факторов, включая суровые климатические условия и социально-экономические проблемы. Наименьшие показатели личностной тревожности и фрустрированности регистрируются в Агинском Бурятском Национальном округе, что мы связываем с более развитой социальной инфраструктурой в данном национальном субъекте и благоприятными климатическими условиями.

Наши исследования показали, что помимо внешних факторов, формирующих психическое здоровье, существуют этнические особенности, которые формируют адаптивность приспособительных реакций в системе человек-среда и обуславливают поведенческую активность индивида в стрессовых ситуациях. Эти особенности выявляются в личностной и эмоционально-волевой сфере и свидетельствуют о снижении стрессоустойчивости у подростков титульных наций, особенно у девушек. Обследование эмоциональной сферы выявило высокий уровень личностной тревожности во всех группах подростков коренного населения, по сравнению с подростками некоренного населения ($p < 0,05$). Кроме того, у девушек коренного населения определяются более высокие показатели фрустрированности ($p < 0,05$).

При обследовании эмоционально-личностной сферы во всех группах подростков титульных наций можно выявить как общие этнические черты, так и особенности, отличающие этносы друг от друга.

Общими чертами является повышенный уровень тревожности ($p < 0,01$), чувство неуверенности ($p < 0,01$), сниженная толерантность к стрессам ($p < 0,01$), страх и растерянность перед трудностями ($p < 0,01$), блокирование активности в стрессовых ситуациях ($p < 0,01$). Эти особенности являются психопатологической основой для суицидального поведения во всех трех этнических группах.

В то же время, у каждой этнической группы, имеются отличительные психологические особенности. Так, у подростков тувинской национальности снижена способность к анализу и конструктивным выводам ($p = 0,03$), а в трудных жизненных ситуациях может проявляться склонность к импульсивным реакциям ($p = 0,02$). Отличительной особенностью подростков бурятской национальности является склонность к рефлексии, мнительность, повышенное чувство вины ($p = 0,001$), наряду с консерватизмом, осторожностью ($p = 0,006$) и недоверчивостью ($p = 0,03$). У подростков, проживающих на Севере, чаще отмечается склонность к рефлексии ($p = 0,006$), унынию и снижению фону настроения ($p = 0,04$). Эти особенности при определенных обстоятельствах могут способствовать усилению суицидальной активности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психопатологической основой суицидального поведения у подростков коренного населения Сибири является повышенный уровень тревожности, сниженная толерантность к стрессам и блокирование активности в стрессовых ситуациях. Воздействие неблагоприятных факторов среды, включая семейные и школьные проблемы, наличие стрессовых ситуаций или других провоцирующих моментов может способствовать реализации суицидального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диагностика эмоционально-нравственного развития / под ред. И.Б. Дермановой. – СПб.: Речь, 2002. – 176 с.

Сведения об авторах

Манчук Валерий Тимофеевич – член-корр. РАМН, доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела профилактической медицины и мониторинга здоровья ФГБУ НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН (660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 3г; тел.: (391) 228-06-33, 256-81-07; e-mail: imprn@imprn.ru)

Семенова Надежда Борисовна – доктор медицинских наук, руководитель лаборатории психического здоровья и социальной адаптации ФГБУ НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН (660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 3г; тел.: (391) 228-06-83; e-mail: imprn@imprn.ru)

2. Иванова А.Е., Сабгайда Т.П., Семенова В.Г. и др. Смертность российских подростков от самоубийств. – М.: ООО «БЭСТ-принт», 2011. – 131 с.

3. Клиническая психология / под ред. Б.В. Карварского. – СПб.: Питер, 2006. – 960 с.

4. Кукушин В.С., Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 448 с.

5. Манчук В.Т., Надточий Л.А. Состояние и тенденции формирования здоровья коренного населения Севера и Сибири // Бюлл. СО РАМН. – 2010. – Т. 30, № 3. – С. 24–32.

6. Положий Б.С., Панченко Е.А. Дифференцированная профилактика суицидального поведения // Суицидология. – 2012. – № 1. – С. 8–12.

7. Семенова Н.Б. Особенности эмоциональной сферы коренной молодежи Севера как фактор риска суицидального поведения // Суицидология – 2011. – № 2. – С. 11–13.

8. Семенова Н.Б., Манчук В.Т. Социально-гигиенические аспекты формирования психического здоровья детей коренной национальности Республики Тыва // Здоровоохранение Российской Федерации. – 2007. – № 4. – С. 32–34.

9. Семенова Н.Б., Манчук В.Т. Характеристика эмоциональной сферы подростков Республики Тыва // Социальная и клиническая психиатрия. – 2007. – Т. 17, № 3. – С. 15–19.

10. Семенова Н.Б., Мартынова Т.Ф. Этнокультуральные факторы риска суицидального поведения коренного населения Севера Сибири // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2012. – № 2. – С. 85–89.

11. Clark D.B. Serum tryptophan ratio and suicidal behavior in adolescents: a prospective study // Psychiatry Res. – 2003. – Vol. 119. – P. 199–204.

12. Kamali M., Oquendo M.A., Mann J.J. Understanding the neurobiology of suicidal behavior // Depress Anxiety. – 2001. – Vol. 14. – P. 164–176.

13. Moberg T., Nordström P., Forslund K. et al. CSF 5-HIAA and exposure to and expression of interpersonal violence in suicide attempters // Affect Disord. – 2011. – Vol. 132. – P. 173–178.